

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 32–55.

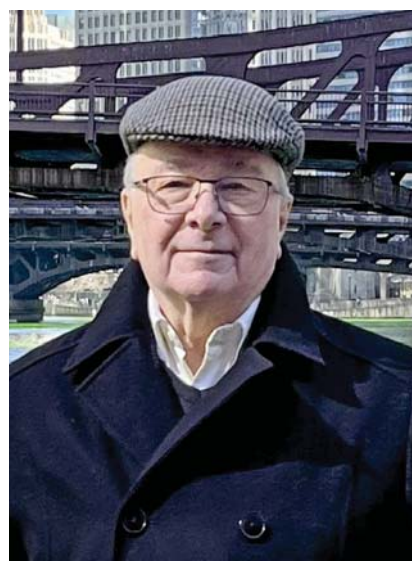
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 2. P. 32–55.

Научная статья / Original article

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-32-55

ЦИВИЛИЗАЦИЯ НА РАСПУТЬЕ

Григорий Сергеевич Киселев
Независимый исследователь,
Урбана-Шампейн, штат Иллинойс,
США, kiselev@illinois.edu

 Аннотация. Части человечества удалось создать социальность, которая существенно ограничила имманентное зло мира. В евроатлантическом мире родилось нечто искусственное — цивилизация. В основных социальных институтах здесь кристаллизовались и сыграли значительную роль представления христианства о ценности и достоинстве каждой жизни. В значительной части человечества, однако, социальность имеет иную природу — правосознание здесь не развито, государство, как правило, неправовое; далеко не изжиты насилие и беззаконие. По отношению к такому порядку иногда используется старое понятие «варварство». Отсюда важнейший вопрос историософии: отчего одни народы создали цивилизацию, а другие сохранили и воспроизводят ее антиподы? Пытаясь ответить на этот вопрос, автор опирается на идеи философии Сознания с ее представлениями о Сознании-Бытии как априорном знании «вечно настоящего». Понятие «история» в философском языке также имеет особый смысл: им обозначается процесс, привносящий в эволюцию специфици-

чески человеческое измерение. Насколько историчен нынешний «Запад»? Насколько ему удастся сохранить статус цивилизации? В глобализирующемся мире базовые основы цивилизованности в значительной мере деградируют. Появление массового общества и отказ от религиозного мировосприятия, а также секуляризация были эпохальным сдвигом в духовной сфере. Западная цивилизация, построенная на фундаменте, сложившемся из христианских ценностей, но пренебрегшая ими, во многом пришла к нравственному релятивизму. Массовое общество характеризуется прежде всего деиндивидуацией, господством иллюзорного сознания. Искажается правовой порядок, подавляется и дезориентируется личность, создаются имитационные институты. Окажется ли западная цивилизация способной устоять и в новом столетии или уступит натиску «нового варварства»? Этот вопрос остается открытым.

Ключевые слова: цивилизация, философия Сознания, историчность, Сознание-Бытие

Ссылка для цитирования: Киселев Г. С. Цивилизация на распутье // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 2. С. 32–55. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-32-55.

Literature. Philosophy. Religion

CIVILIZATION AT THE CROSSROADS

Gregory S. Kiselev

Independent researcher, Urbana-Champaign,
IL, USA, kiselev@illinois.edu

Abstract. A part of humanity has managed to create a sociality that has significantly limited social evil. Civilization as something artificial was born in the Euro-Atlantic world. Christian ideas of value and dignity of every life crystallized in its main social institutions. In the other part of humanity, however, sociality has a different nature — legal consciousness is not developed, there is no state of law; violence and lack of rights are far from being eliminated. Sometimes the old concept of “barbarism” is used in relation to this social order. Hence the question: why did some nations create a civilization, while others preserved and reproduced its antipodes? The author is looking for an answer based on the philosophy of Consciousness with

its ideas about Consciousness-Being as a priori knowledge of the “forever present”. The concept of “history” is considered in this article in the light of the idea of Consciousness-Being. In other words, the criterion is the humanization of the world. This is a process that brings a specifically human dimension to evolution. To what extent does today’s “West” manage to maintain the status of civilization? In a globalizing world, the basic foundations of civilization seem to be degrading. The emergence of a mass society as well as the secularization were an epoch-making shift in the realm of spirit. Western civilization, built on a foundation of Christian values, but neglecting them now, has largely come to moral relativism. Mass society is characterized primarily by deindividuation and the dominance of illusory consciousness. As a result, the legal order is distorted and the individual is suppressed. Will Western civilization be able to endure in the new century, or will it succumb to the onslaught of the “new barbarism”? This question remains open.

Keywords: civilization, philosophy of consciousness, historiography, Christianity, Consciousness-Being

For citation: Kiselev, G. S. (2023) “Civilization at the Crossroads”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(2), pp. 32–55. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-2-32-55.

«Пристройка» к сознанию,
называемая цивилизацией.

М. Мамардашвили

То, что мир «во зле лежит», знали еще древние. Но стремление людей к справедливому и безопасному устройению жизни из века в век наталкивалось на сопротивление варварства¹. Тем не менее части человечества все же удалось создать общественный порядок, который существенно ограничил имманентное зло мира. Это чудо, именуемое цивилизацией², родилось в

¹ По С. М. Соловьеву, «основной признак варварства есть... стремление самим не делать ничего или делать как можно меньше и пользоваться плодами чужого труда, заставлять другого трудиться на себя... Общество выходит из состояния варварства, когда является и усиливается потребность в честном и свободном труде, стремление жить своим трудом, а не на счет других; человек растет нравственно трудом, общество богатеет и крепчает...» [Соловьев, 1989, с. 621–622].

² Известна многозначность термина «цивилизация». В этой работе цивилизация понимается как особая стадия развития человечества, отличающаяся существенной эмансипацией человека. Это, однако, не подразумевает отрицания иного использования понятия «цивилизация». См. [Следзевский, 2020, с. 82 и сл.].

евроатлантическом мире, а в наше время распространилось и вне его. В основных социальных институтах здесь кристаллизовались христианские по происхождению представления о ценности и достоинстве человека.

Цивилизация во многом изжила открытое насилие над человеком, государственной власти тут противостоит гражданское общество с развитым правосознанием. Само государство стало правовым: с разделением властей, сменяемостью власти, парламентской представительной демократией, всеобщим избирательным правом, влиятельным местным самоуправлением. Возникли более или менее сложные системы социальной защиты; эффективные, более или менее автономные системы образования, здравоохранения и благотворительности; общественное движение за охрану окружающей среды; пропаганда здорового образа жизни как социальной ценности. Приветствуются — хотя, конечно, укоренились далеко не повсеместно — такие ценности, как доброжелательность, порядочность, честность, деловитость, неприятие хамства и т. д. («вежливость, — замечал М. Мамардашвили, — это то в нас, без чего вынужденное общение превратилось бы в ад»).

И, наконец, — *last, but not least* — отрицание силы как средства международной политики; изживание национализма, создание наднациональных организаций, призванных разрешать всяческие противоречия и обеспечивать защищенность их членов. При этом признается, что речь идет не только о внешних угрозах. Учитывается безопасность людей от угроз их жизни, здоровью (физическому и психическому) и имуществу внутри страны, в частности от действий самой власти. Национальный интерес понимается в широком смысле: как необходимость достижения правового порядка и сохранения цивилизованности.

Если полагать идеалом социального устройства «всеобщее правовое гражданское общество» Канта, то цивилизация, очевидно, ближе к этому идеалу, чем любые иные модели социального устройства. При всем том нужно, конечно, не забывать, что здесь, как и в любом человеческом обществе, далеко не изжиты людские пороки — эгоизм, алчность, жажда власти, нездоровые страсти и т. п. Цивилизация сдерживает эти порочные наклонности, требуя безусловного следования установленным законам, хотя в реальности они работают далеко не всегда.

У значительной же части человечества государство неправовое, здесь имеются лишь зачатки правосознания; гражданское общество неразвито; далеко не изжиты насилие и беззаконие, в целом много пережитков архаики. Стоит, впрочем, подчеркнуть, что речь не идет об «отсталости» в социокультурном смысле: ценностная оценка тут не работает.

Итак, вырисовывается важнейший вопрос историософии: какое значение имеет то обстоятельство, что одни народы — то есть этносоциальные и социокультурные организмы (последние нередко называют также «локальными цивилизациями») — создали цивилизацию, а другие сохраняют и воспроизводят ее антиподы? Какими могут быть их взаимоотношения? Кому принадлежит будущее?

С этими вопросами связаны и другие, имеющие отношение ко всему человечеству. Будет ли покончено с чудовищными преступлениями против человечности, совершаемыми самим человеком³? Уйдет ли в прошлое неслыханное унижение человека потерявшими человеческий смысл социальными институтами? Увидим ли мы когда-нибудь мир не в «слезах человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра», как говорил герой Достоевского [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 222]?

* * *

Мне представляется, что искать ответы на столь непростые вопросы можно было бы — даже если это покажется неожиданным, — опираясь на философию Сознания (заглавная буква символизирует здесь именно философское содержание данного понятия). Ведь в конце концов именно она дает нам представление о том, чем по существу является человек, который делает историю.

В самом сжатом виде идеи современной философии Сознания можно сформулировать так: человек — это парадоксальное существо, хотя и рождено природой, наделено таинственным даром свободы. Таинственным потому, что свобода не имеет никаких причин, являясь причиной самой себя. Сознательные акты, или «события сознания», свободны, то есть первичны, предпосылочны к любым его содержаниям. Они представляют собой трансцендирование к некоей сверхприродной реальности или к иному измерению, существующему поверх видимого мира. При этом речь идет именно о реальности, пусть и необъяснимой. (Знание о ней, как заметила П. П. Гайденко, может выступать только «в форме осознанного незнания».) Достигается она предельными волевыми нравственно-интеллектуальными усилиями, вследствие чего возникают идеальные сущности — высокоорганизованные мыслительные структуры. Соотносясь с ними, человек познает и изменяет себя и мир. Чем интенсивнее реализуется такое соотношение, тем ярче проявляется специфически челове-

³ «Настоящий враг это humanum, homo, сам человек», — полагал Г. Федотов [Федотов, 1937, с. 34]. Христианская мифология в представлении об Антихристе — воплощении абсолютного зла — предупреждает человека о том, что он сам — одна из основных угроз для существования своего рода.

ческое качество. Мамардашвили говорил в связи с этим о превращении «человека возможного» в «человека действительного», о самосоздающемся, вечно становящемся существе. Такой человек получает возможность не потерять себя в хаосе природного мира, а, самоизменяясь, структурировать, очеловечить его.

Тут важно заметить: будучи способным впасть в колоссальное напряжение Сознания (или Сознания-Бытия), человек может и не делать этого (что и случается сплошь и рядом). Но если нет усилия, то перед нами существо, умеющее всего лишь передвигаться на двух ногах и обладающее даром речи. (Вспомним булгаковского профессора Преображенского: «Говорить еще не значит быть человеком».) Поэтому Сознание можно представить как бы мерцающим; его проблески, или моменты, Мамардашвили называл «привилегированными»⁴. Таким образом, любая жизнь представляет собой, в сущности, драматическое испытание: индивид свободен и волен стать человеком *per se* или же остаться всего лишь говорящим двуногим. Неслучайно Ортега-и-Гассет заметил, что «человек не вещь, а драма, которой является его жизнь» [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 457].

* * *

Чем же философия Сознания может оказаться полезной в поисках ответов на поставленные выше историософские вопросы?

Подобно тому, как она в целом предполагает соотношение с некими искусственными абстрактными мыслительными конструкциями, так и «в области социальной мысли [нужно. — Г. К.], — по мнению Мамардашвили, — через наблюдаемые явления видеть ненаблюдаемое, и потом из этого ненаблюдаемого нам понятнее (и мы иначе понимаем) то, что мы наблюдаем. И можно утверждать, что без обращения к эмпирически неухватываемому элементу мы не понимаем решающих вещей в нашей жизни и в жизни общества и истории» [Мамардашвили, 2009, с. 14].

Поскольку мы рассматриваем человека как создающее себя в соотношении со сверхприродной реальностью существо, о цивилизации, как мне представляется, можно говорить как о «привилегированном» состоянии социальности. Речь, таким образом, идет о самосозидании человечества как об историческом процессе. История свершается, приобретает действительность, или смысл, лишь в той мере, в какой Человек воспроизводит сферу Сознания-Бытия и лич-

⁴ Мыслитель полагал, что человеческое существование идет как бы двумя потоками: «В одном — наша жизнь, а внутри нее кусками, другой режим, когда мы прикасаемся к Бытию... К тому, что уже есть, неразрушимо, неподвижно, вечно... Это ритм жизни, мы не пребываем... все время в Бытии, мы с ним со-прикасаемся» [Мамардашвили, 1999, с. 46].

ность⁵. Неслучайно, как мы видели из эпитафии, Мамардашвили считал цивилизацию, этот рукотворный мир, «пристройкой» к сознанию.

Таким образом, в философском языке понятие «исторический» получает особый смысл: им обозначается процесс, привносящий в эволюцию специфически человеческое измерение⁶. Н. А. Бердяев говорил о «некотором спецификуме», о реальности особого рода, особой ступени бытия, о действительности «высшего порядка, которую мы именуем исторической действительностью» [Бердяев, 1969, с. 20, 22–23]. В. К. Кантор, в свою очередь, справедливо заметил, что «история — это пробивание нормы сквозь безумие, проблески, просветы нормы» [Кантор, 2013, с. 151].

Подобно тому как человек проживает свою жизнь, лишь в «привилегированные моменты» впадая в Бытие, история представляет собой парадоксальную прерывистость, развиваясь как причудливое чередование и перемешивание периодов Бытия и не-бытия. Вполне могут быть моменты — в реальности более или менее длительные периоды, — когда время идет, а истории нет. Эти моменты из нее «выпадают»⁷, есть просто дурная последовательность событий. Цивилизация может жить только в той мере, в какой она будет возобновляться на волне интенсивного человеческого усилия, направленного на то, чтобы она существовала⁸. Если же этого нет, если люди оказываются неспособ-

⁵ «Истории в этом смысле не было у древних, — говорил персонаж “Доктора Живаго”. — Там было сангвиническое свинство жестоких, оспую изрытых Калигул... Там была хвастливая мертвая вечность бронзовых памятников и мраморных колонн. Века и поколения только после Христа вздохнули свободно» [Пастернак, 2004, с. 13]. Стоит процитировать здесь Е. Б. Рашковского: «Само борение человека за утверждение и развитие глубоко нравственных, высших ценностей жизни и есть, по сути дела, процесс реализации смысла истории» [Рашковский, 1999, с. 21].

⁶ Правда, высказывалось мнение, что существует ракурс, с которого история может представать и как не-человеческий (или сверхчеловеческий) процесс. «Человек, — полагает И. Г. Яковенко, — не является целью исторического процесса. Человек — материал, средство разворачивания истории... более или менее очевидно — человек не субъект истории. Он реализует некоторые программы и способствует разворачиванию предсуществующего эйдоса... во всемирно-исторической перспективе он задан и заменяем. Человек не “царь природы”» [Яковенко, 2018, с. 158–159]. Это отнюдь не бесспорное утверждение, но к нему стоит прислушаться.

⁷ Как известно, Чаадаев полагал, что из мировой истории «выпала» Россия. (И, похоже, в этом состоянии и осталась: после робких попыток установить цивилизованные условия жизни, предпринятых в постниктолаевский период и в начале XX столетия, последовал срыв в прикрытие модернизационной имитацией архаики, которая определяет судьбы страны по сей день.) Ф. Степун и Г. Федотов писали о том, что в XX столетии после России в бездну небытия скатилась и Германия.

⁸ Цивилизация, правовой порядок «покоится целиком на существовании достаточного числа людей, которые нуждаются в нем [в законе как стержне цивилизации. — Г. К.] как неотъемлемом элементе своего существования и готовы бороться и идти на смерть, для того чтобы этот закон был» [Мамардашвили, 2009, с. 19]. «Цивилизованность нужно удерживать, усиливать, предъявлять, для чего необходимо преодолевать невежество и восстанавливать

ными сохранять такие завоевания цивилизации, как правовой порядок, она деградирует, замещаясь элементарными формами социальности. Этот тонкий поверхностный слой — «нежный, хрупкий цветок», по выражению Мамардашвили, — довольно легко уничтожить, затоптать. В таком случае общество «расчеловечивается», дичает, личность как будто стирается, и говорят о «новом варварстве» [см. Мотрошилова, 2007].

Неудивительно поэтому, что идея прогресса как всеобщего и неуклонного поступательного движения (равно как и идея о всемогуществе разума) представляется ныне небесспорной. Конечно, невозможно и нелепо оспаривать поразительные завоевания науки и развитие на их основе производства, замечательный рост знаний и колоссальные технологические достижения, взрывной рост качества и уровня жизни. Тут прогресс очевиден. Тем не менее в прошлом столетии Х. Ортега-и-Гассет признавал: «Не бывает надежного прогресса, нет такого развития, которому не грозили бы упадок и вырождение. В истории все осуществимо, все, что угодно, — и непрерывный подъем, и постоянные откаты» [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 86]. С. Франк, говоря о христианизации мира, все же не отождествлял ее с «прогрессом», то есть непреложным всеохватным поступательным движением от низших, элементарных социальных форм к высшим. Он замечал: «Мы потеряли веру в “прогресс” и считаем прогресс понятием ложным, туманным и произвольным» [Франк, 1990, с. 141]. Бердяев полагал, что сама идея прогресса как пути к некоему состоянию совершенного блага нравственно ущербна, так как предполагает взгляд на все жившие и живущие поколения лишь как на жертву для блага будущих «счастливицев» [Бердяев, 1969, с. 22 и сл.].

Можно ли уверенно говорить о восходящих или нисходящих тенденциях в масштабах всего человечества?

Пытаясь осмыслить причины возникновения цивилизации и ее дискретности в мире, прежде всего нельзя пройти мимо того существенного соображения, что люди — существа в высшей степени неравные: «Под поверхностью жизни кроется глубочайшая и возмутительнейшая неправда — ложный постулат реального равенства людей» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 222]. Это соображение, как представляется, недооценивается. О подобном неравенстве, на мой взгляд, следует говорить в нескольких пересекающихся планах.

утраченную личностную интегративность, этос и пафос благородства» [Некlessа, 2016, с. 16]. Всемерно защищать высшие достижения цивилизации и стремиться к их распространению — такова должна быть установка цивилизаторских сил. И в то же время ее непременно должна дополнять другая установка: в современном мире никого нельзя облагодетельствовать путем насильственного навязывания чужих ценностей. Такая задача по сложности сродни плаванию между Сциллой и Харибдой.

Прежде всего, это касается локальной социокультурной специфики. Тут специфика «Запада» налицо. Выделение индивида из разного вида естественно-социальных общностей, его эмансипация зашла там весьма далеко. В этом отличие «Запада» от традиционных незападных обществ, где все еще преобладает «общинный» тип человека, где этот процесс или в целом еще не начался, или сколько-нибудь значительно не развился.

В то же время на социокультурную специфику налагаются и индивидуальные различия. Индивидуация — и как ее итог появление личности — суть в конечном счете результат духовно-интеллектуального усилия. Но от рождения люди не равны и по способностям, и по здоровью (физическому и психическому). Затем добавляется неравенство приобретенное — по воспитанию, образованию, материальным возможностям и т. д. Это не оставляет места сомнениям в том, что их способности к предельному нравственно-интеллектуальному усилию весьма и весьма различны.

Цивилизованное общество создают и воспроизводят сильно развитые люди — личности. Такие люди — с интеллектом, совестью и доброй волей (оптимальное сочетание), — способные на акты Сознания, встречаются во все времена, но всегда составляют узкий культурный слой. Он может относительно расширяться, а может и драматически сужаться, но совсем не исчезает. Сначала это были библейские, затем античные мудрецы, потом христианские праведники и богословы. Когда в Новое время стала распространяться просвещенность (в понимании Канта), такие люди оказались в состоянии существенно влиять на свои общества, очеловечивая их и создавая в итоге цивилизацию⁹.

Нужно заметить, что принадлежность к культурному слою в целом не зависит от социальных градаций и т. п. Она складывается не как следствие словных — властных или имущественных — привилегий, а исключительно исходя из уровня духовно-умственного развития. Этот слой не правит и не господствует, он призван просвещать и духовно водить. В какой-то степени, но необязательно, он совпадает с образованным классом¹⁰.

Сказанное не значит, конечно, что наиболее продвинутым индивидам надлежит заниматься морализаторством и ограничиваться учительством. Люди — если они хотят состояться именно в качестве людей — призваны преодолевать

⁹ «Нас таких в России, может быть, около тысячи человек; действительно, может быть, не больше, но ведь этого очень довольно, чтобы не умирать идее», — полагал другой герой Достоевского [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 374].

¹⁰ Идет ли речь об интеллигенции? Да, если в том или ином обществе есть условия для ее существования в качестве социальной общности. Но такие условия есть далеко не всегда и не везде. Отдельные же индивиды, достойные именоваться интеллигентами именно в указанном выше смысле слова, встречаются всегда.

стихийность и бессмысленность естественного хода вещей, постоянно преобразовать стихийно-хаотический мир в человеческий, одухотворять его.

Итак, все сказанное дает основания предполагать, что мир, как он есть сегодня, представляет собой результат разнонаправленных, асинхронных и неравноценных с точки зрения историчности процессов «очеловечения». (В частности, развитие самой Европы, этого эпицентра цивилизации, в целом совсем не похоже на прямой и ровный путь.) Мы живем в сложном, противоречивом и неустоявшемся мире. Здесь стоит привести мнение специалиста: трансформация сегодняшнего мира «нелинейна по природе и драматична по содержанию — по сути это не продвижение куда-то, а несбалансированное, напряженное изменение чего-то, столкновение с хаосом, мутация, преобразование. Будучи асимметричным и скачкообразным, преодолевая инволюции и рекуррентности, процесс реализуется не в универсальной хронологической последовательности — по крайней мере, не для всей планеты и популяции» [Некlessа, 2016, с. 3].

Но если мы не в состоянии выносить уверенные суждения о прогрессе в масштабах мира, то нам вполне под силу выявлять восходящие или нисходящие тенденции в развитии локальных общностей. В частности, мы можем предполагать, что в них имели место своего рода «вспышки», или «всполохи», исторического Бытия¹¹. Так, важная из них произошла в античном мире.

Изначально развитие человечества шло по пути так называемых восточных деспотий. Основной отличительной чертой социальности здесь была роль власти как самого смысла ее жизни, как ее единственного гаранта. Человек же при этом оставался почти невыделенным из общности, возможностей индивидуации практически не было. Не было поэтому и правового сознания, преобладал деспотизм, тирания, олигархические системы и т. п. В античном мире такой мир именовали варварским.

Античность взорвала и перенаправила ход естественного развития, произошел «прорыв нормы», бифуркация. Индивидуация постепенно освобождала человека от зависимости от природы в целом и социальности в частности. С распространением христианства — религии личного спасения и личной ответственности — на «Западе» существенно укрепился принципиально особый тип социальности человека, основанный на смыслах, заслуживающих имено-

¹¹ О яркой «вспышке» Бытия, об «осевом времени», этом очеловечивающем «дыхании», говорил К. Ясперс. В результате, полагал он, «все последующие народы становятся историчными в зависимости от степени интенсивности, с которой они отзываются на совершившийся прорыв» [Ясперс, 1991, с. 78, 52]. Нужно признать, что степень такой интенсивности была существенно разной.

ваться собственно человеческими, на идее свободного индивида; возник так называемый христианский мир. Складывалось правовое социальное устройство. От греческого полиса и Рима через христианскую (католическую и протестантскую) и либеральную секулярную традиции был проложен путь к гражданскому обществу и правовому государству западноевропейского рыночного строя (капитализма), то есть к цивилизации.

Неудивительно, что сложились представления о «Западе» и «Востоке» как своего рода противоположных полюсах социальности, а также об историчности одних народов и неисторичности других. В наше время подобные представления, конечно, уже не выглядят обоснованными. Ныне предпочтительны более сложные историософские построения, учитывающие результаты трансформации традиционных обществ и противоречий глобализации. Как удачно сформулировал Е. Рашковский, «Запад» «сумел правдами и неправдами навязать значительной части остального человечества многозначный и с болью усваиваемый дар институционализируемой свободы» [Рашковский, 2010, с. 77].

Сегодня человечество предстает как сложная совокупность этносоциальных организмов, сгруппированных в крупные общности — «локальные цивилизации». Понятно, что каждая имеет собственную жизнь, особые ритмы и формы развития и, следовательно, у них различные судьбы. Вопрос об их историчности и неисторичности теперь решается в зависимости от того, насколько реализовались здесь предпосылки возникновения цивилизации — в избранном мной смысле этого понятия — и не наблюдается ли ее регресс.

* * *

Казалось бы, очевидно, что поскольку «Запад» и есть эпицентр цивилизации, то здесь, следовательно, и разворачивается история. И для такого утверждения есть бесспорные резоны. Но имеются и сомнения. С такой точкой зрения часто не соглашались исследователи традиционных обществ. Они полагают, что поскольку системы ценностей незападных культурных миров и «Запада» должны рассматриваться как равноценные, понятие «цивилизация» не может быть сведено к его «западному» содержанию (прежде всего к идее господства права, наличию правового государства и гражданского общества) [см. Следзевский, 2020].

Нетрудно увидеть, что дело, в сущности, в различном понимании и применении самого понятия, поэтому полемика здесь не имеет смысла. Обратим внимание на то, чем взгляды таких исследователей сильны. А сильны они именно сомнениями в том, насколько сегодняшнему «Западу» удастся сохранить статус цивилизации. Пытаясь так или иначе разрешить их, нельзя, разумеется,

не учитывать, сколь непросто составить на этот счет адекватное суждение; современникам следует выдвигать свои предположения достаточно осторожно.

Прежде всего нужно признать — и это мнение мало кем оспаривается, — что наше время подводит итоги эпохи, получившей именование «Новая история», или «Модернити». Наступает новая эпоха, содержание которой в целом еще неясно. Понятно только, что сегодня ее во многом определяют инновационная экономика и глобализация наряду с глубокой дехристианизацией «Запада», а также окончательным сложением там массового общества.

Глобализация — процесс весьма противоречивый, и неслучайно ее исследователи говорят о «глобальном парадоксе», исключаящем однозначные интерпретации. Так, М. Чешков полагает, что «глобализация действует как передатчик, мультипликатор мировых неравенств и их стимулятор, своего рода допинг, но не генератор этих феноменов в контексте всемирного процесса перераспределения богатства, власти и действий» [Чешков, 2002, с. 27]. Имеются серьезные сомнения в том, что глобализация способствует распространению цивилизации. Неслучайно И. В. Следзевский ссылается на британского исследователя, по словам которого «глобальной опасностью становится... цивилизационный беспорядок» [Следзевский, 2020, с. 88].

Нельзя не заметить, что лежащему в основе цивилизации правосознанию прежде всего противоречит немислимый разрыв между мировым Севером и глубоким Югом, сложившееся в мире кричащее неравенство. Огромная проблема в том, что некоторые страны Юга ныне уже сами не могут поддерживать себя самостоятельно, уровень жизни в них, несмотря на внешнюю помощь, постоянно снижается. Не привели к уменьшению бедности в мире и новые технологии, напротив, неравенство и бедность только увеличились. Так, вследствие внедрения таких технологий был ликвидирован целый ряд традиционных отраслей, где были заняты миллионы.

Глобализация все больше видится как противостояние тех, кто по большей части не знаком со свободой, и тех, кто уже в известной мере пресытился ею и не осознает в полной мере своей ответственности перед всем человечеством. В этих условиях становится все труднее говорить о диалоге локальных цивилизаций, необходимом для всеобщего выживания [см. Следзевский, 2011]¹². Такой диалог становится особенно проблематичным из-за военных конфликтов,

¹² По мнению этого исследователя, глобализация таит в себе опасность разрушения складывающегося столетиями хронотопа диалога культур и цивилизаций (то есть единства его пространственных и временных характеристик). В этом случае становится проблематичным главное условие любого диалога — нахождение другой стороны в такой системе координат, которая вообще делает диалог возможным [Следзевский, 2003].

возникающих вследствие как непродуманных попыток «экспорта демократии», так и агрессивной политики авторитарных режимов, которые или развязывают такие конфликты, или угрожают ими миру. Безответственные политические силы в разных странах на наших глазах разрушают сложившийся международный порядок, худо-бедно обеспечивавший миру стабильность.

Таким образом, не оправдались надежды на установление безопасного справедливого миропорядка и быстрого движения (оказалось, весьма обманчивого) большей части незападного мира в сторону правового государства, которые в последнее время, в частности, были связаны с концом холодной войны и распадом коммунистической системы.

Сложнейшей проблемой, решение которой пока не просматривается, остается безостановочная и постоянно усиливающаяся миграция из бедных стран в страны развитые, приводящая, в частности, к тому, что бывший колониальный мир выплескивает вовне, в бывшую метрополию, свою архаику.

Пожалуй, наиболее очевидно поставило под вопрос достижения цивилизации «Запада» появление массового общества. В результате возникновения индустриального производства и потребления, а также уничтожения сословного деления общества становым хребтом социума в Европе еще в XIX столетии оказались массы. Х. Ортега-и-Гассет писал об этом как о «восстании масс», поверхностно христианизированного простонародья. Напомню, что К. Леонтьев видел в выходе масс на авансцену «вторичное смесительное упрощение»; цивилизация же — это прежде всего сложность.

Секуляризация общества, развернувшаяся в эпоху Просвещения, обрела новое дыхание именно с таким «упрощением» социальности. Прежде она была органично-сословной, и культуру — понятно, христианскую — создавали верхние слои. Но массы культурой не дорожили, и по мере их выхода на авансцену воздействие культурной элиты заметно уменьшалось. Так начались процессы дехристианизации. К нашему дню христианство не играет в развитых странах заметной роли. Но с верой была утеряна и непреложность нравственного закона, данного свыше. «Если Бога нет, то все позволено», все, что прежде считалось нормами человеческого общежития. В первую очередь — правосознание и представление о ценности каждой жизни.

Отказ от религиозного мировоззрения и секуляризация общества были эпохальным сдвигом в духовной сфере и имели серьезные социокультурные последствия.

Безрелигиозность — это не просто отрицание религии или индифферентное к ней отношение. В первую очередь это такая переоценка ценностей, в результате которой происходит отказ от сверхприродного по происхождению

нравственного авторитета. В результате нравственность теряет свой безусловный характер, становясь относительной, то есть, по существу, превращается в безнравственность. Неслучайно о том, что «Европа утратила нравственность... Массовый человек попросту лишен морали», писал еще в 1930-х годах Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 1997, с. 161–163]. Фактически ставится под сомнение сама основа нравственности — то, что другой человек представляет собой равноправную, самоценную, автономную величину, которая ни в коем случае не должна рассматриваться как средство для достижения чуждых ей целей.

Неудивительно, что западная цивилизация, построенная на фундаменте, сложившемся из христианских ценностей, но пренебрегшая ими, во многом пришла к нравственному релятивизму. Многие выдающиеся умы последних столетий пришли к выводу, что за свое освобождение в Новое время человечество заплатило высокую цену. Так, Франк полагал, что «профанный гуманизм», в гордыне объявивший себя венцом и смыслом мироздания, закономерно привел к губительному «титанизму», нигилизму. А это уже открывает путь к безумию квазирелигиозных идеологий — таких как коммунизм и нацизм. Отсюда эпоха кровавых мифов классовой борьбы, расы, нации, крайние формы национализма и шовинизма, а в итоге — несоразмерные сознанию злодеяния, совершенные одними людьми над другими¹³. Это столетие заслуженно можно назвать антихристовым.

Начало века двадцать первого также омрачается зверствами, а угнетения и страданий в мире не становится меньше. Христиане действительно могли бы истолковывать это как сдачу Антихристу. Для философской мысли, как и для теологической, Антихрист — не внешнее зло: это понятие символизирует захваченность человека злом изнутри¹⁴ (хотя, конечно, оно воплощалось и в таких страшных персонажах XX столетия, как Ленин, Сталин, Гитлер и некоторые современные деятели). Речь о том самом сне разума, который рождает

¹³ По охвату, агрессивности, количеству жертв и — главное — по коварной способности представлять в качестве наиболее радикальной идеологии освобождения самой опасной оказалась коммунистическая утопия. Следствием воплощения в жизнь взятого на веру, слепо, без сомнений («всесильно, потому что верно»), к тому же плохо осмысленного и ревизованного учения Маркса стали в начале 1920-х годов гибель миллионов жителей России и потеря двух третей национального богатства. От заложенной в коммунизме идеи интернационализма ничего не осталось, но пышным цветом расцвел национализм. Дальнейшее только подтвердило, что — нельзя не согласиться с Ю. Пивоваровым — не было «более античеловеческого, немилосердного и губительного для собственного народа социального порядка в новой истории» [Пивоваров, 2009, с. 48]. Увы, именно наша страна показала, что может случиться с обществом в случае наиболее последовательной дехристианизации. После семидесяти лет коммунизма и тридцати последующих лет Россия, по существу, одичала.

¹⁴ Не это ли имел в виду Блаженный Августин, признававшийся в своей исповеди, что сердце его «искало быть злым безо всякой цели. Причиной моей испорченности была ведь только моя испорченность. Она была гадка, и я любил ее; я любил погибель; я любил падение свое...» [Conf. 2 IV 9].

чудовищ, безраздельное господство разнообразных страстей, страсть к насилию, неадекватное осмысление своих потребностей и возможностей, иррационализм, искаженное, фантастическое восприятие мира, идеологичный, схемотворческий подход к органичной жизни социальности.

Массовое общество характеризуется прежде всего деиндивидуацией. Разумеется, одна из причин этого — естественное невежество, господство дьяволиады ложного, иллюзорного сознания. Не менее существенную роль сыграли упорная духовная лень, нежелание брать на себя тяжкий духовный труд духовно-умственных усилий воспринимать новое, природная склонность к мечтательному утопизму — в целом неспособность к Сознанию и Бытию. Личностно и граждански развитому человеку здесь все больше противостоят несамостоятельные, манипулируемые индивиды — своего рода люди-недоделки, несостоявшиеся, неполные, уплотненные.

Полуобразованные, невежественные, они готовы отдать свою судьбу и свободу в руки любого умелого искусителя и таким образом в известной мере лишаются субъектности. Массовая культура и властные структуры со своей изощренной пропагандой манипулируют их сознанием, во многом превращая в объекты, неспособные самостоятельно мыслить и понимать мир; происходит передача атрибутов суверенной личности в другие руки. Человек массы нравственно пуст и поэтому открыт силам зла. Неудивительно поэтому, что его можно повернуть в любом направлении, вплоть до таких, что ведут к ужасам сталинских и гитлеровских лагерей и нынешних злодейств.

Сегодня для «массового» индивида характерен также уход в виртуальный мир квазиреальности с помощью наркотиков или безоглядного погружения в Интернет¹⁵. Кстати, даже это чудо Всемирной паутины он предпочитает использовать, как показывает статистика, для поиска самых примитивных и вульгарных способов развлечения. Тут же и всепроникающая агрессивная и лживая реклама, формирующая потребителя исходя из коммерческой выгоды.

Когда мы сталкиваемся с нынешними средствами массовой «информации» и развлечения, нередко возникает впечатление того, что мир сходит с ума¹⁶. Очевидно падение общего культурного уровня, процветает масскультура, возникают все новые и странные демонстрации так называемого совре-

¹⁵ Уход в сферы бессознательного и виртуального сознания можно отождествить с добровольной смертью, эвтаназией. См. [Хоружий, 2005].

¹⁶ «То, что делают сегодня с общественным сознанием российские СМИ, и прежде всего телевидение, — замечает, например, И. А. Яковенко, — вполне сопоставимо с пандемиями прошлого. Чума и оспа убивали физически, медиаэпидемии уничтожают нравственно и интеллектуально, разрушая жизненно важные общественные ткани и снижая до критической черты уровень жизнеспособности общества» [Яковенко, 2015].

менного искусства. Распространены крайнее невежество (демоническая сила, по словам Маркса) и вместе с тем готовность легко выносить по любому поводу категоричные суждения¹⁷.

Неудивительно, что массовость все больше искажает природу как гражданского общества, так и самой цивилизации. Ее «нежный цветок» в этих условиях вянет. Во многом отрицается как раз то, на чем покоилось представление о «Западе» именно как о цивилизации: наличие ответственного и автономного индивида, способного вступать в прямой и плодотворный диалог с государством и крупными бюрократическими структурами; проявляется равнодушие к гражданской жизни. Получив политические и гражданские свободы, индивид в массовом обществе оказался внутренне не готовым к свободе, добытой предшествующими поколениями. Он не вполне способен к подлинно гражданской жизни, подразумевающей прежде всего личную ответственность и общую культурность.

Свобода постепенно утрачивает свой статус как личного, так и общественного идеала. Прошедшее столетие показало самые различные варианты «бегства от свободы» — от передоверия своих свобод авторитарным и тоталитарным режимам до растворения их в обесмысливающей гонке общества потребления и фактического отрицания гуманистической культуры, иногда даже враждебности ей самого «образованного класса».

Последний несет свою долю ответственности за относительные с точки зрения нравственности итоги, с которыми человечество, в том числе и «Запад», вступило в третье тысячелетие. Культурная элита в целом оказалась не в силах преодолеть дьяволиаду иллюзорного, или ложного, сознания бессознательного большинства, псевдоценности которого обычно преобладают в социуме. Неслучайно не только инертным массам, но и социальным верхам присуще характерное для разных эпох и разных локальных общностей нежелание признавать авторитет (то есть особый род власти) культурного слоя.

Массовое общество маскирует искажение правового порядка и подавление личности, создавая разнообразные имитации. В частности, имитации, основанные на вовлечении в той или иной форме широких масс в политическую

¹⁷ Кажется, что именно такого человека, для которого типичны «трусость и леность мысли», имел в виду Кант. Похоже, актуальным на все времена остается его высказывание о том, что «из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого». «Нельзя, — замечал мыслитель, — отделаться от некоторого неудовольствия, когда видишь их [людей. — Г. К.] образ действий на великой мировой арене. Тогда находишь, что при всей мнимой мудрости, кое-где обнаруживающейся в частности, в конечном счете все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению. И в конце концов не знаешь, какое себе составить понятие о нашем роде, столь убежденном в своих преимуществах» [Кант, 1966, с. 14, 9].

жизнь, в которой они играют реальную — но исключительно отведенную им — роль. Это свидетельствует о глубинном родстве любого массового общества с тоталитарными режимами, которые целиком построены на манипуляции массами и внедряют собственное понимание демократии — типа хорошо известной нам «советской социалистической демократии» или «суверенной демократии». Понятно, насколько все это не имеет ничего общего с правовым государством. Вообще нельзя отделаться от впечатления, что сегодня правовое государство в какой-то мере изживает себя. Еще в межвоенный период М. Алданов предвидел: «Демократической идее... придется пережить тяжелое время: она, по-видимому, пришла в некоторое противоречие сама с собой» [Алданов, 2006, с. 85].

Стоит заметить, что правовой порядок размывается также в результате постепенной узурпации государством и крупным трансграничным бизнесом принятия важнейших решений в сферах политики и экономики. Так, «происходит перераспределение властных полномочий от политических структур к экономическим центрам силы (наподобие МВФ или Мирового банка). Тут коррозия демократических институтов проявляется уже гораздо отчетливее. *Демократия как власть людей уступает место новой форме правления в экономическом мире: неолдемократии как власти денег*» [Неклесса, 1999, с. 33].

Примечательно, что Мамардашвили видел в современном массовом обществе «грозные черты какой-то глубинной структуры, могущей оказаться необратимой...». Он полагал, что из всех катастроф XX века «...одной главной и часто скрытой от глаз рассудка является *антропологическая катастрофа*... событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в прямой зависимости от разрушения или просто отсутствия цивилизованных основ процесса жизни и общения. А это событие идет уже полным ходом» [Мамардашвили, 2004, с. 9]. Мыслитель опасался именно современного варварства, одичания. Он говорил об угрозе дурной бесконечности — «вечного покоя», то есть возможности вечного пребывания в состоянии ни добра, ни зла, ни бытия, ни небытия... [Для этого. — Г. К.] достаточно необратимых разрушений сознания, последовательного ряда перерождений структуры исторического человека» [Мамардашвили, 1992, с. 189]¹⁸.

¹⁸ Неудивительно, что в XX столетии часто предсказывали «закат Европы». И действительно, бывали времена, когда казалось, мир падает в бездну, когда слова о «закате», о «повороте истории» звучали уже как сбывшееся пророчество. В 1940 году, когда Британия из последних сил сражалась с Гитлером в одиночку, почти вся Европа была уже под пятой Третьего рейха. На Востоке его новый партнер, расширявшееся сталинское государство, лелеял свои планы мирового господства, создавая самые современные вооружения и наращивая армию. В Афри-

Итак, как мы могли убедиться, незавершенность и неоднозначные перспективы «эксперимента со свободой», как о том говорил в отношении «Запада» Г. Померанц, вполне очевидны¹⁹. Сомнение в том, что «Запад» и его цивилизация находятся ныне в историческом состоянии, представляется поэтому вполне обоснованным.

* * *

Окажется ли цивилизация способной устоять в новом столетии? Само понятие «цивилизация» — это абстракция. Реальный субъект ее — люди. Едва ли многое изменилось за те двести лет, которые прошли со времен Канта. И действительно, человечество в большей своей части до сих пор так и не осознано не только ценность каждой жизни, но и угрозу, которую его деятельность представляет для биосферы²⁰ и, следовательно, для его собственного существования. Оно по-прежнему не отдает себе отчета в своей универсальной природе и как и раньше тратит огромные материальные и духовные ресурсы на взаимные соперничество и вражду. Похоже, что сотни миллионов людей, уже прошедших по Земле, избегали усилий стать личностью, состояться. Между тем, живя бездумно, по инерции, вне нравственности, они в итоге могут истребить себя.

Оправдано ли в этих условиях все же предполагать движение человечества к Кантову «всеобщему правовому гражданскому обществу» и универсальной гуманистической цивилизации? Не окажется ли, что евроатлантический мир (иудео-христианская цивилизация), этот мир свободного человека — всего лишь «привилегированный момент»? Не получается ли, что кажущаяся неизбежность ложного сознания и производимого им зла являются непреодолимым препятствием для того, чтобы людской род состоялся именно как человечество?

Все эти вопросы остаются открытыми²¹.

ке — фашистская Италия, в Азии — триумф японского милитаризма. В Америке вполне мог победить изоляционизм. «Европейский концерт», «республика ученых» и «corpus christianum» кажутся разрушенными до основания», — замечал в те годы Г. Федотов [Новый град, 1937, № 12, с. 3].

¹⁹ В этом свете не случайна реплика А. Пелипенко: «А есть ли либеральное будущее у самой Европы (в широком ее понимании)? Не пришел ли поезд европейского либерализма... на конечную станцию?» [Пелипенко, 2010].

²⁰ По данным ООН, под угрозой уничтожения прямо сейчас — четверть всех животных и растительных видов нашей планеты.

²¹ «Наш собственный опыт, — по мнению Ф. Фукуямы, — по всей видимости, учит нас, что в будущем нас ждут новые и пока еще не представимые ужасы, от фантастических диктатур и кровавых геноцидов до банализации жизни из-за современного консюмеризма, и беспрецедентные катастрофы — от ядерной зимы до глобального потепления. По крайней мере вероятность появления этих ужасов больше, чем их не появления» [Фукуяма, 2015, с. 21]. Не впадая

Список источников

Алданов М. Армагеддон: Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников. М.: НПК «ИНТЕЛВАК», 2006. 607 с.

Бердяев Н. А. Смысл истории. 2-е изд. Париж: YMCA-PRESS, 1969. 272 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. 30 т.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 5–23. (Философское наследие).

Кантор В. К. «Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот...» (философия истории А. И. Герцена) // Вторая навигация: Альманах. Харьков: Права людини, 2013. С. 132–169.

Мамардашвили М. К. Если осмелиться быть // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992. С. 172–200.

Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002. 320 с.

Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1999. 309 с.

Мамардашвили М. К. О сознании // Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004. С. 9–25.

Мамардашвили М. К. Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 320 с.

Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007. 265 с.

Некlessа А. И. Конец цивилизации, или конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3. С. 32–38.

Некlessа А. И. Созидание будущего / РАН. Бюллетень Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации (Рабочие материалы). Вып. № 5 (80). Сентябрь — октябрь 2016. М.: ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия, 2016. 28 с.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. С. 43–163.

Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 586 с. От Редакции // Новый град. 1937. № 12. С. 3–19.

в соблазн утопизма, который нередко присутствует в историософии, можно со всей осторожностью предположить, что наиболее вероятна возможность самовозобновляемого сцепления хода вещей, то есть дурной бесконечности, которую едва ли смогут разорвать «вспышки» Бытия, если они вообще случатся.

Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // *Пастернак Б. Л.* Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. 4: Доктор Живаго. Роман. С. 5–642.

Пелипенко А. А. Не было никаких «Московских Афин» и московских Периклов // Европейский выбор или снова «особый путь»? / под общ. ред. И. М. Клямкина. М.: Фонд Либеральная миссия, 2010. С. 81–85.

Пивоваров Ю. С. Смысл и истоки русской революции // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А. С. Ахиезера / сост. А. П. Давыдов. М.: Новый хронограф. 2009. С. 23–49.

Рашковский Е. Б. Многомерность развития. На путях к гуманитарной глобалистике (из записок историка-религиоведа) // *Мировая экономика и международные отношения.* 2010. № 12. С. 74–86.

Рашковский Е. Б. Человеческое достоинство и смысл истории // *Рашковский Е. Б.* На оси времен. Очерки по философии истории. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 12–29.

Соловьев С. М. Рассказы из русской истории XVIII века // *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. С. 584–737.

Следзевский И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // *Общественные науки и современность.* 2011. № 2. С. 141–156.

Следзевский И. В. Доклад на Круглом столе «Диалог культур и цивилизаций: понятие, реалии, перспективы» (Горбачев-Фонд. 22 мая 2003 г.). URL: <http://www.gorby.ru> (дата обращения: 23.04.2023).

Следзевский И. В. Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64, № 1. С. 82–90.

Хоружий С. С. Кризис цивилизации сквозь призму антропологии // *Материалы к заседанию клуба «Красная площадь».* 20 декабря 2005 г. URL: http://intelros.ru/club/texts/horuzjiy_1_club.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

Федотов Г. П. Эссе homo (О некоторых гонимых «измах») // *Путь.* 1937. № 53. С. 20–36.

Франк С. Л. Крушение кумиров // *Франк С. Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 133–182.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 576 с.

Чешков М. А. Смысл противостояния: не альтернативность, но вариабельность. Круглый стол: антиглобалистские движения — начало великой смуты XXI века? // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 6. С. 24–30.

Яковенко И. А. Медиафрения. Диагноз первый // Солнечногорская газета. 2015. 23 сентября.

Яковенко И. Г. Драма исторического бытия // Нева. 2018. № 4. С. 132–159.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Политиздат, 1991. 527 с. (Мыслители XX века).

References

Aldanov, M. (2006) *Armageddon: Zapisnye Knizhki. Vospominaniia. Portrety Sovremennikov* [*Armageddon: Notebooks. Memories. Portraits of Contemporaries*]. Moscow: NPK "INTELVAK".

Berdyayev, N. A. (1969) *Smysl istorii* [*The Idea of History*]. Paris: YMCA-PRESS.

Dostoevskii, F. M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete works: 30 vols*]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.

Kant, I. (1966) "Ideia vseobchshei istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane" ["The Idea of Universal History in the World-Civil Plan"], in Kant, I. *Sochineniia: v 6 tomakh. Tom 6* [*Works: 6 vols. Vol. 6*]. Moscow: Mysl, pp. 5–23. (Filosofskoe nasledstvo [Philosophical Legacy]).

Kantor, V. K. (2013) "‘Eto budet ne sud, ne rasprava, a kataklizm, perevorot...’ (filosofiia istorii A. I. Gertsena)" ["‘It Will Not Be a Trial, not a Reprisal, but a Cataclysm, an Upheaval...’ (Philosophy of History by A. I. Herzen)"], *Vtoraia navigatsiia: Al'manakh* [*Second Navigation: Almanac*]. Kharkiv: Prava liuduni, pp. 132–169.

Mamardashvili, M. K (1992) "Esli osmelitsia byt" ["If One Dares to Be"], in *Kak ia ponimaiu filosofiiu* [*How I Understand Philosophy*]. 2nd edn, modified and expanded. Moscow: Progress; Kul'tura, pp. 172–200.

Mamardashvili, M. K. (2002) *Kantianskie variatsii* [*Kantian Variations*]. Moscow: Agraf.

Mamardashvili, M. K. (1999) *Lektsii po antichnoi filosofii* [*Lectures on Ancient Philosophy*]. Moscow: Agraf.

Mamardashvili, M. K. (2004) "O soznanii" ["On Consciousness"], in *Soznanie i tsivilizatsiia. Teksty i besedy* [*Consciousness and Civilization. Texts and Conversations*]. Moscow: Logos, pp. 9–25.

Mamardashvili, M. K. (2009) *Opyt fizicheskoi metafiziki (Vilnusskie lektsii po sotsialnoi filosofii)* [*Essay on Physical Metaphysics (Vilnius Lectures on Social Philosophy)*]. Moscow: Progress-Traditsiia; Merab Mamardashvili's Foundation.

Motroshilova, N. V. (2007) *Tsivilizatsiia i varvarstvo v sovremennuiu epokhu* [*Civilization and Barbarism in the Modern Era*]. Moscow: IF RAN.

Neklessa, A. I. (1999) "Konets tsivilizatsii, ili konflikt istorii" ["The End of Civilization, or the Conflict of History"], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [*World economy and international relations*], 3, pp. 32–38.

Neklessa, A. I. (2016) *Sozdanie buduchshego. Biulleten Komissii po Sotsialnym i Kulturnym Problemam Globalizatsii (Rabochie materialy). Vypusk 5 (80). Sentiabr — Oktiabr 2016.* [Creation of the Future. Bulletin of the Commission on the Social and Cultural Problems of Globalization (Working Papers). Iss. 80(5). September — October 2016]. Moscow: INTELROS — Intellektualnaia Rossiia, pp. 2–16.

Ortega-y-Gasset, J. (1991) *Estetika. Filosofia kultury* [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow: Iskusstvo [Art].

Ortega-y-Gasset, J. (1997) *Vosstanie mass* [Revolt of the Masses], in Ortega-y-Gasset, J. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Ves mir, pp. 43–163.

“Ot Redaktsii” [“From the Editorial Office”] (1937) *Novyi grad* [New City], 12, pp. 3–19.

Pasternak, B. L. (2004) “Doktor Zhivago” [“Doctor Zhivago”], in Pasternak, B. L. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniyami: v 11 tomakh. Tom 4: Doktor Zhivago. Roman* [The Complete Works with Appendices: 11 vols. Vol. 4: Doctor Zhivago. Novel]. Moscow: SLOVO/SLOVO, pp. 5–642.

Pelipenko, A. A. (2010) “Ne bylo nikakikh ‘Moskovskikh Afin’ i moskovskikh Periklov” [“There Were no ‘Moscow Athens’ and Moscow Pericles”], in Klyamkin, I. M. (ed.) *Evropeiskii vybor ili snova “osobyi put”?* [European Choice or Again a “Special Path”?]. Moscow: Fond Liberalnaia missiia [Liberal Mission Foundation], pp. 81–85.

Pivovarov, Yu. S. (2009) “Smysl i prichiny russkoi revoliutsii” [“The Meaning and Origins of the Russian Revolution”], in Davydov, A. P. (ed.) *V poiskakh teorii russkoi tsivilizatsii. Pamyati A. S. Akhieзера* [Search for the Theory of Russian Civilization. In the Memory of A. S. Akhiezer]. Moscow: Novyi khronograf, pp. 23–49.

Rashkovskii, E. B. (2010) “Mnogomernost' razvitiya. Na putyakh k gumanitarnoi globalistike (iz zapisok istorika-religioveda)” [“Multidimensionality of Development. On the Way to Humanitarian Global Studies (from the Notes of a Historian and Religious Scholar)”], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 12, pp. 74–86.

Rashkovskii, E. B. (1999) “Chelovecheskoe dostoinstvo i smysl istorii” [“Human Dignity and the Meaning of History”], in Rashkovskii, E. B. *Na osi vremen. Ocherki po filosofii istorii* [On the Axis of Time. Essays on the Philosophy of History]. Moscow: Progress-Tradition, pp. 12–29.

Solovyov, S. M. (1989) “Rasskazy iz russkoi istorii 18 veka” [“Stories from the Russian History of the 18th Century”], in Solovyov, S. M. *Chteniia i rasskazy po istorii Rossii* [Readings and Stories on the History of Russia]. Moscow: Pravda, pp. 141–156.

Sledzevsky, I. V. (2011) “Dialog tsivilizatsii kak smyslovoe pole mirovoi politiki” [“Dialogue of Civilizations as a Semantic Field of World Politics”], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2, pp. 141–156.

Sledzevsky, I. V. (2003) *Doklad na kruglom stole “Dialog kultur i tsivilizatsii: po-niatie, realii, perspektivy” (Gorbachev-Fond. 22 maya 2003 goda)* [Report on the Round Table “Dialogue of Cultures and Civilizations: Concepts, Realities, Perspectives” (Gorbachev Fund. 22 May 2003)]. Available at: <http://www.gorby.ru> (Accessed: 23 April 2023).

Sledzevsky, I. V. (2020) “Tsivilizatsionnoe izmerenie sovremennogo mirovogo razvitiia: problemy i podkhody” [“Civilization Dimension of Modern World Development: Problems and Approaches”], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 64(1), pp. 82–90.

Khoruzii, S. S. (2005) “Krizis tsivilizatsii skvoz' prizmu antropologii” [“The Crisis of Civilization Through the Prism of Anthropology”], in *Materialy k zasedaniyu kluba “Krasnaya ploshchad”. 20 dekabrya 2005 goda* [Materials for the Meeting of the Club “Red Square”. 20 December 2005]. Available at: http://intelros.ru/club/texts/horuzjii_1_club.pdf (Accessed: 23 April 2023).

Fedotov, G. P. (1937) “Ecce homo (O nekotorykh gonimykh ‘izmakh’)” [“Ecce homo (About some Persecuted ‘isms’)”], *Put* [Way], 53, pp. 20–36.

Frank, S. L. (1990) “Khushenie kumirov” [“The Collapse of Idols”], in Frank, S. L. *Sochineniia* [Works]. Moscow: Pravda, pp. 133–182.

Fukuyama, F. (2015) *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man]. Translated from the English by M. B. Levin. Moscow: AST.

Cheshkov, M. A. (2002) “Smysl protivostoiianiia: ne alternativnost, no variabelnost. Kruglyi stol: antiglobalistskie dvizheniia — nachalo velikoi smuty 21 veka?” [“The Meaning of Confrontation: Not Alternativeness, but Variability. Round Table: Anti-globalization Movements — the Beginning of the Great Turmoil of the 21st Century?”], *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 6, pp. 24–30.

Yakovenko, I. A. (2015) “Mediafreniia. Pervyi diagnoz” [“Mediaphrenia. The First Diagnosis”], *Solnechnogorskaya gazeta* [Solnechnogorsk Newspaper], 23 Sep.

Yakovenko, I. G. (2018) “Drama istoricheskogo bytiya” [“The Drama of Historical Being”], *Neva*, 4, pp. 132–159.

Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and Purpose of History]. Translated from the German by M. I. Levina. Moscow: Politizdat. (Mysliteli 20 veka [Thinkers of the 20th century]).

Информация об авторе: Григорий Сергеевич Киселев — кандидат исторических наук, независимый исследователь. Адрес: США, Урбана-Шампейн. Персональный сайт: URL: <http://www.gskiselev.com> (дата обращения: 23.04.2023).

Information about the author: Gregory S. Kiselev — PhD in History, independent researcher. Address: Urbana-Champaign, USA. Personal website: Available at: <http://www.gskiselev.com> (Accessed: 23 April 2023).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023;
принята к публикации 10.06.2023.

The article was submitted 21.04.2023;
approved after reviewing 01.06.2023;
accepted for publication 10.06.2023.